

РЕЦЕНЗИИ

*Андрей Здравомыслов**

Об одном умственном эксперименте, обращенном к российским реалиям

(по поводу книги Маркку Кивинена «Прогресс и хаос: социологический анализ
прошлого и будущего России»)

Книга Маркку Кивинена хороша уже тем, что ее автор (волею судьбы и по своему собственному желанию) оказался одним из немногих европейских ученых, сохранивших живой интерес к России постсоветского периода. Известно, что масса исследовательских центров, существовавших в США, Германии, Великобритании и других странах, специализировавшихся на изучении советского общества до начала 90-х годов, вынуждены были прекратить свою деятельность. С одной стороны, исчез сам объект исследований, с другой стороны, новая Россия стала рассматриваться как второстепенная держава, не заслуживающая специального интереса. На этом фоне Александровский институт Университета Хельсинки, директором которого и является автор рассматриваемой книги, представляет собою исключение. Институт продолжает систематические исследования в области русистологии, при этом преимущественное внимание его сотрудники обращают на социологическую проблематику.

Разумеется, сама по себе социологическая проблематика российских преобразований исключительно многообразна. Немалую трудность представляет сам выбор точки зрения – той позиции, с которой представлен материал книги. По моему мнению, автор вполне удачно справляется с этой задачей. Он выделяет три крупных темы: **«Власть»**, **«Классы»**, **«Культура»**. Каждый из этих сюжетов по сути дела неисчерпаем и мог бы быть предметом самостоятельного исследования, но автора интересовали эти темы не по отдельности, а в их взаимосвязи и применительно к положению дел в России. Он исходит из того, что социологический анализ динамики российских трансформационных процессов может быть осуществлен только на основе уяснения взаимодействия политического, социального и культурного пространств. При этом в отличие от многих авторов, исследующих преобразования, М. Кивинен не выделяет экономический аспект российского реформирования в качестве основного. Больше внимание он уделяет анализу «изменений культурного кода», включенного в контекст массового сознания, массовой мотивации политического, экономического и собственно культурного поведения. Этот ракурс рассмотрения российской проблематики позволяет автору на протяжении всего повествования сохранить целостность видения российского общества и оригинальность собственной позиции. Культура, власть и классы оказываются базовыми конструирующими категориями этого исследования российских преобразований.

При рассмотрении этой работы нельзя не принять во внимание и ту оценку книги, которая дана самим автором: «Очевидно, – пишет он, – что анализ, предпринятый в этой книге, представляет собой лишь **гипотетический умственный эксперимент**. Важным его аспектом является не содержание отдельных аргументов, а общее направление аргументации... Мое намерение состоит в том, чтобы привнести элемент иронии и критики в обсуждение роли идеологии» (с. 179). На мой взгляд, это утверждение представляет собою ключ для понимания как содержания книги, так и способа ее презентации.

* Здравомыслов Андрей Григорьевич – д.ф.н., профессор кафедры общей социологии ГУВШЭ

© Здравомыслов А., 2005

© Центр фундаментальной социологии, 2005

В чем же состоит этот иронический мотив? Вопрос тем более важен, что предмет исследования остается весьма серьезным – российские трансформации или преобразования, которые изменили политическую карту мира и затронули жизненные интересы многих миллионов людей. Заметим, что «элемент иронии» относится прежде всего к идеологии. Автор постоянно обращается к двум представительным источникам, на основе которых формулировались в конце 80-х и середине 90-х своего рода идеологические позиции. Российскому читателю того времени были хорошо известны сборники статей, представлявшие собою своего рода вехи осмысления политических реалий: «Осмыслить культ Сталина» (1989), к середине девяностых вышло несколько выпусков под названием «Иное» (1995)¹.

Первый из названных сборников стал важным документом всестороннего обоснования десталинизации, с помощью которой идеологическая элита тогда еще советского общества намеревалась достичь подлинной свободы. Именно этой книге Кивинен уделяет наибольшее внимание (с. 47-68). Заметим, что авторы этого сборника еще целиком и полностью стояли на позициях демократического социализма. Сама необходимость социалистической идеи не ставилась под вопрос. Речь шла лишь о ее более последовательном воплощении в жизнь, чему, по их мнению, мешали рецидивы сталинизма и бюрократизация партийного и государственного аппарата. «Социализм с человеческим лицом» – таков был лозунг момента, разделявшийся интеллектуальной элитой перестроечного времени.

Сборники «Иное» представляли собою нечто отличное. С одной стороны, в них просматривалось обращение к какому-то варианту постмодерна, с другой стороны – явственно обнаруживалась апелляция к национальной идее.

По-видимому, попытки Кивинена разобраться в российской ситуации с помощью этих идеологических документов и привело автора к заглавию – «Прогресс» и «Хаос». Что же такое прогресс и что такое хаос применительно к российским преобразованиям? Если бы автор следовал модным синергетическим веяниям, то он, по крайней мере, должен был бы определить «точки бифуркации», «угрозы распада» и «состояния эмерджентности», порождающие инновации. Но эти понятия не привлекают его внимания и даже не употребляются в книге. Они, скорее, выступают не в виде научных категорий, а в виде некоторых образов «порядка» и «беспорядка», основанных, с одной стороны, на несопоставимости позиций, представленных в вышеназванных работах, а с другой стороны, на обобщении собственных впечатлений от нескольких визитов в Советский Союз и Россию. Во время своей первой поездки автор, разыскивая академический институт, угодил в учреждение госбезопасности («Второй пролог», с. 8–10), а в другом случае попал в историю, потеряв ключи от своего номера в гостинице (Эпилог, с. 235-237). Эти приключения, несомненно, стимулировали выбор названия книги.

Таким образом, как мне представляется, сами категории Хаоса и Порядка становятся выражением иронии по отношению к любым идеологическим доктринам, определяющим интерпретацию базовых ценностей. Возможно, что это лишь один из способов раскодирования названия книги. Ведь нельзя исключить и того, что «ироническая декларация» есть способ ухода от политической ангажированности, на что претендует любой серьезный современный исследователь. Руководствуясь этой интенцией, автор не стремится к логическому развертыванию определений и аргументов. Он не предлагает читателю строгого определения исходных понятий, чего мог бы ожидать от него серьезный читатель. Лишь в третьем разделе мы находим несколько примечательных утверждений, раскрывающих смысл этих категорий. Весьма кратко представив эволюцию идеи прогресса в западноевропейском мышлении (минуя Кондорсе, Канта и Гегеля), автор книги утверждает, что именно **в прогрессе, понятом как переход от капитализма к социализму, состояла важнейшая идея большевизма** (с. 189). Но вместо прогресса общество,

¹ «Осмыслить культ Сталина» / Ред. Х. Кобо. М. 1989. «Иное. Хрестоматия нового русского самосознания»/ Ред. Чернышев. М. 1995.

руководимое большевиками, «погрузилось в состояние хаоса» (там же). «Я склоняюсь к тому, – пишет автор, – что хаос **является непреднамеренным следствием большевистской стратегии**» (там же). Хаос, далее, – а не прогресс, – выступает в роли Ваала, идола, которому приносят бесчисленные жертвы. «Жертвы, приносимые хаосу, приобретали большую символическую значимость... После гражданской войны страна пребывала в состоянии *полного хаоса*... *Полный хаос* царил также во время коллективизации; по крайней мере треть сельскохозяйственных мощностей была уничтожена. После второй мировой войны *страна была в руинах* в третий раз. Все ресурсы были израсходованы; ничего не осталось, а люди были полностью измотаны» (*Курсив мой.* – А.З.).

Таково эмпирическое видение хаоса, предлагаемое Кивиненым. Но рассматривая динамику российской ситуации изнутри, можно было бы предложить и иные способы верификации предложенных понятий. Представьте себе такие формулировки: «Первая мировая война, развязанная при активном участии российской монархии, ввергла страну в состояние хаоса. К 1916 году это состояние получило название распутинщины». Или «Нападение Германии на Советский Союз в июне 1941 года вновь на какое-то время ввергло страну в состояние хаоса» и т. д. Мы приводим эти формулировки для того, чтобы показать, что эмпирическая верификация Хаоса, а, следовательно, и Прогресса, при оценке общественных отношений неизбежно оказывается ценностно ориентированным суждением. Это особенно ясно при рассмотрении войн и революций: то, что для одной из сторон является порядком, для другой оказывается дорогой к гибели!

В действительности кризис, который переживает российское общество, сложно обозначить этими крайними понятиями. Здесь «прогресс» причудливо переплетается с состоянием «хаоса». Смена этих состояний, их следование друг за другом, взаимное порождение могут быть интерпретированы как сжатие времени, ускорение динамики развития. В этой связи можно высказать сожаление по поводу того, что автор практически не обращается к сравнительному анализу динамики хаоса и прогресса в ходе трансформаций, пережитых или переживаемых в других странах или регионах мира.

Дело в том, что в работе Кивинена **нет анализа кризиса** (вхождения в кризисное состояние и путей выхода из него) как главного феномена современной российской действительности. Но вместе с тем анализ теорий власти, классовой структуры, проблематика культурных кодов, дает немало материала для размышлений о характере этого кризиса, а следовательно, и о путях его преодоления. Возвращаясь к категориям Прогресса и Хаоса, можно сказать следующее: по-видимому, Прогресс характеризуется тем, что долгосрочные последствия решений, принимаемых властью, соответствуют ее намерениям, а Хаос – представляет собою нагромождение непреднамеренных последствий тех же самых решений! Если это так, то вопрос о способе формулирования намерений и их экспликация приобретают решающее значение.

Как уже говорилось, в книге выделены три основных раздела – Власть, Классы, Культура. Каждый из них начинается с обзора современной социологической литературы, представленной наиболее известными западными теоретиками, затем – с несколько меньшей степенью подробности – автор показывает, каково состояние соответствующей проблематики в российской литературе. Такое сопоставление позволяет выделить проблемы, которые, с одной стороны, остаются дискуссионными, а с другой – почти совершенно не разработанными в российской социологии.

Избранный план работы предоставляет возможность вести анализ на нескольких уровнях обобщения (генерализации). Первый уровень связан с интерпретацией эмпирических данных, полученных в ходе специальных исследований. Это, в основном, интервью с представителями интеллигенции в Санкт-Петербурге. Большая часть этих материалов получена в ходе совместных российско-финских исследований. Второй уровень обобщения обозначен названиями трех разделов книги. Отобранные категории позволяют автору не только нащупать болевые точки российских трансформаций, но и перейти на более высокий уровень генерализации, на котором социологическая проблематика переплетается с

политологической и культурологической. Третий уровень генерализации – как мы уже заметили – не проработан в полной мере, но четко обозначен в заглавии книги.

Ценность работы заключается не только в попытке обосновать целостный взгляд на современную Россию, но и в критическом представлении методологических ориентаций, связанных с исследованием трех структурирующих областей в мировой и, в какой-то мере, в российской литературе. Если же рассматривать работу Кивинена в контексте трансформационной проблематики, то нетрудно заметить, что его занимает не столько переход «от тоталитарного периода к демократии и от планового хозяйства к рыночной экономике», сколько переход от раннесоветского периода в истории советской власти к сталинизму. «В двадцатом веке, – пишет он, – миллионы людей связывали свои надежды с установлением власти пролетариата, с победой социализма и коммунизма... Однако большие надежды всегда заканчивались разочарованием: сначала хаос в сельских районах, гротеск публичных судебных процессов, бесследные исчезновения людей, абсурдный культ личности, а далее, безумная растрата ресурсов, провалы в экономике, растущее внутреннее напряжение и, наконец, застой» (с. 11). На Западе «для многих интеллектуалов марксистской ориентации распад Советского Союза был равнозначен гибели всемогущего божества» (с. 12). Как же это случилось? Чтобы ответить на этот вопрос, надо обратиться к анализу не только самого распада Советского Союза, но и к рассмотрению того образа мышления, который приводил именно к такому пониманию реальности вопреки известной библейской максиме: не сотвори себе кумира.

Преимущество работы Кивинена перед близкими по тематике и намерениям работами российских авторов² заключается, на мой взгляд, в обстоятельной проработке современной социологической и политологической литературы. В ней нет притязаний на то, чтобы дать объективный анализ нынешнего состояния российской власти, российской классовой структуры, равно как и состояния культуры в российском обществе. Задача автора состоит в представлении исследований в этих трех областях. Благодаря этому книга Кивинена представляет собою не только иронию по отношению к идеологии, но и своего рода **вызов социологическому воображению**. Об этом свидетельствует английский подзаголовок книги, который почему-то оказался опущенным в русском переводе – *Russia as a Challenge for Sociological Imagination*.

В своих последующих ремарках я бы хотел привлечь внимание к тем положениям автора, которые представляются спорными, обращая внимание на то, как эти вопросы рассматриваются в российской социологической литературе.

Власть – намерения, решения и непредвиденные последствия

Три вопроса, обсуждаемые М. Кивиненом в рамках проблематики власти, имеют особенно важное значение для понимания современной российской ситуации. Прежде всего, это общие вопросы теории властных отношений, во-вторых, это проблема понимания советского прошлого и, в-третьих, это теория принятия политических решений. Остановимся на них более подробно.

Теории власти

Привлекательная сторона публикации Кивинена – его стремление понять природу властных отношений как определяющих иные реалии советской и постсоветской действительности. Для этого автор привлекает основные работы по теории власти от Н. Макиавелли и Т. Гоббса до Р. Миллса и М. Фуко. Не остаются без внимания соответствующие работы К. Маркса, Ф. Энгельса, В. Ленина, А. Коллонтай. Рассматривая современный поток литературы по проблемам власти, он выделяет пять основных направлений анализа власти:

² См. Т. И. Заславская. Социальная трансформация российского общества. М.: Дело, 2002 (Монография); Россия: трансформирующееся общество. (Сборник статей под редакцией В. А. Ядова). М.: Канон-пресс-ц, 2001; Рывкина Р.В. (Монография); О. И. Шкартан. Российский порядок: Вектор перемен. М.: Вита Пресс, 2004 (Монография).

- исследования элит как субъектов властных отношений (традиция А. Токвилля, а позже Ч. Р. Миллса);
- теория принятия решений, раскрывающая механизм отбора наиболее значимых проблем, требующих решения, поскольку неразрешенность этих проблем имеет наиболее существенные последствия для общества (концепция Р. Даля);
- вариант анализа власти, который указывает на проблему совпадения или несовпадения содержания реальных интересов общества и способов принятия решений (П. Бакрач и М. Барац, М. Кренсон);
- значимость гегемонии как формы контроля над идеями и мыслями (А. Грамши и С. Люкес);
- проблематика дискурсивной власти (М. Фуко).

В принципе все эти направления могли бы быть весьма полезными для изучения как советского, так и российского общества. Но на самом деле оказывается, что изучение власти, как в советский, так и в пост-советский периоды ограничивается лишь первым направлением. Это справедливое замечание. Однако смысл его может быть прояснен более основательно, если обозначенные направления теоретизирования по поводу власти были бы соотнесены друг с другом. Одни направления в данной классификации связаны с изучением основного содержания властных функций – отношениями господства и подчинения, другие – с механизмами осуществления власти, третьи – с предпосылками власти, формирующимися на уровне привычек, менталитета или габитуса.

Советское прошлое

Кивинен отвергает тоталитаристскую интерпретацию советского общества и советского политического режима. Он опирается при этом на анализ как сложных исторических преобразований, происходивших в советском обществе, так и состава правящей элиты, представленных в работах Д. Лейна, О. Крыштановской и некоторых других исследователей. В результате формулируется следующая важная характеристика советского общества: «Социализм не является моно-организованной общественной системой, управлявшейся неизменной унитарной номенклатурой и политбюро.... “Унитарный” подход ведет ко многим упрощениям» (с. 70). С этим исходным утверждением трудно не согласиться, принимая во внимание основные этапы довоенной, военной и послевоенной истории страны. Обращаясь к российской социологии, напомним периодизацию советского общества, предложенную Ю. Левадой, который выделяет четыре этапа советской истории, каждому из которых соответствует собственная личностная дифференциация. Это – раннесоветский, позднесоветский, период перестройки и возникновение новой ситуации³. У Кивинена в главе о классовой структуре мы находим три основных периода: «ранний период существования СССР», «сталинизм», «период Хрущева-Брежнева» (с. 109–110). Заметим, что и в том, и в другом случае из периодизации выпадает наиболее значительное событие всей советской истории – война 1941–1945 гг. Помимо этого, два соседствующих периода, разделенные событиями 1968 года, оказались объединенными.

Принятие решений

Вслед за Д. Лейном Кивинен вводит в аргументацию, направленную на опровержение трактовки Советского Союза как целостного тоталитарного общества, не только исторические, но и «структурные» аргументы: «крайне редко, – пишет он, – **реальные политические решения** принимались партийным руководством. Наоборот, не столько партийное руководство, сколько чиновники правительственных учреждений держали в своих руках рычаги управления...» (там же).

Согласиться или нет с этим тезисом можно только при условии уточнения исторического периода. Кивинен предлагает учесть определенную степень независимости чиновнического, аппарата от политических структур. Такая автономия имела место, но в

³ Левада Ю. А. Социальные типы переходного периода: попытка характеристики /Мониторинг общественного мнения. 1997. N 2.

определенных жестких пределах, в тех случаях, когда решения не затрагивали общеполитического курса. Что касается «принятия реальных политических решений» на макроуровне, то это, безусловно, относилось к компетенции руководства страной или обществом. Речь идет о решениях, касающихся определения курса на индустриализацию страны, на развитие оборонной промышленности, на разработку космических программ. То же самое можно сказать и о решениях по вопросам внешней политики, решениях, касающихся административно-территориального деления страны, решениях по принципиальным вопросам развития системы образования, о критериях и процедурах подбора и расстановки кадров, наконец, о решениях, связанных с оценкой деятельности прежних руководителей. Они не могли быть отданы на откуп чиновничества, и хотя действительно принимались редко, но носили долгосрочный и всеохватывающий характер. Споры по ним порой протекали достаточно остро, приобретая – до конца 20-х годов – характер общепартийных дискуссий. С середины 30-х годов политический режим (механизм принятия решений) претерпевает радикальные изменения. Однако во всех случаях решения политического характера имели последствия, рассчитанные на десятилетия.

При этом, как справедливо замечает Кивинен, для теоретического анализа особый смысл имеет рассмотрение *непреднамеренных (нежелательных) последствий* принимаемых решений. Однако здесь возникает ряд вопросов: во-первых, об основаниях и мотивации принятия решений, во-вторых, о содержании и форме полемики, которая, так или иначе, присутствует в ходе выработки решения, в-третьих, о масштабе и характере «сопротивления материала» после принятого решения, о соотношении оппозиции и поддержки в ходе осуществления решений. В любых крупных организациях, не говоря уже о государстве, важен также вопрос о судьбе тех, кто высказывал сомнение в целесообразности решений. Кивинен склонен полагать, что все решения советской власти были обусловлены содержанием «большевистского проекта» или «Великой повести большевизма», как он называет этот проект, то есть «теоретической доктриной марксизма-ленинизма». Думаю, что такая трактовка далека от действительности. При всей склонности к догматизму и подчеркивании идеологического фактора, советские руководители были практическими политиками, которые достаточно внимательно относились а) к внешним угрозам и б) к поддержанию монолитности партийного руководства. Огромное значение для принятия решений имела внутригрупповая борьба за власть и влияние, поскольку сторона или группа, одержавшая победу в этой борьбе, приобретала и дискурсивную власть, состоявшую в «нужной» интерпретации событий, и гегемонию, обеспечивавшую доминирование именно этой точки зрения, и реальную власть, состоящую в кадровых перемещениях и передвижениях.

Хотелось бы заметить, что специфика властных отношений в советском обществе после 1917 года состояла в том, что само вхождение во власть носило экзистенциальный характер. Человек, вошедший во власть, полностью идентифицировал себя с полученными полномочиями. Интерпретация любой деятельности как строительства социализма и «участка классовой борьбы» означала возможность распоряжения не только временем или способностями подчиненных, но и самой их жизнью. При этом вхождение во власть не могло иметь иного содержания и смысла помимо исполнения переданных данному лицу функций. Это означало, что и его собственная жизнь постоянно оставалась в зоне риска. В большинстве случаев эта идентификация была осознанной. «Жертвовать жизнью» во имя высших интересов было своего рода идеалом и нормой поведения, что во многом объясняет безропотное восприятие сталинских репрессий со стороны партийного и государственного аппарата. Вопрос же о правильности или неправильности применения конкретных репрессивных мер к данному человеку имел десятистепенное значение. Действительное радикальное изменение, произошедшее после смерти Сталина, состояло в разделении властных полномочий и самой жизни. Отстранение Хрущева (1964 год) уже не означало его физического уничтожения, а М. С. Горбачев, сложивший с себя полномочия Президента

СССР, имел возможность даже испытать вновь свою политическую судьбу на российских президентских выборах.

Не лишним будет и такой вопрос: что означает само разделение последствий на «планируемые» и «непреднамеренные»? Насколько далеко наличная власть могла проникнуть в тенденции развития событий? Какова была роль неблагоприятного прогноза, предсказания нежелательного хода событий? Элементарное знание истории страны подсказывает, что, например, решение об индустриализации (принятое в 1925 году) исходило, прежде всего, из учета вероятности неблагоприятного развития событий на международной арене! И это решение, несомненно, носило радикальный характер, связанный с преобразованием аграрной страны в индустриальную державу, а большей части населения из крестьян – в городских жителей. Достигнутый к началу 40-х годов уровень промышленного развития оказался необходимым условием победы Советского Союза во Второй мировой войне. Иными словами, чтобы вполне оценить идею непредвиденных последствий, которая занимает очень важное место в аргументации автора книги, необходимо уметь оценить и ожидаемые последствия, хотя бы в минимальном объеме.

Если бы такая задача была поставлена, то мы получили бы возможность использовать важный компонент социологического дискурса, а именно, попытаться выяснить роль «способов определения ситуации», которая играла определяющую роль в практической политике советской власти. Ведь коррекция «Великой повести большевизма» лежит именно в этой плоскости, и «определение конкретной ситуации» имело гораздо большее значение для практики, нежели следование теоретически обоснованному идеалу.

Что касается решений управленческого характера, связанных с методами осуществления стратегических решений, технологии и организации ресурсов, то здесь, действительно, решающую роль приобретает общегосударственное и местное чиновничество. При этом соотношение стратегических («руководящих») и оперативных («управленческих») решений было далеко не всегда одинаково на разных этапах истории советского общества.

Кивинен вводит еще один аргумент, подчеркивающий практический плюрализм правящей элиты советского общества: «в самой партии также не было единства: партия делилась на различные группировки. Именно конфликт внутри элиты привел, по утверждению Лейна, к разрушению политического согласия брежневской эпохи» (там же. С. 70). Заметим в связи с этим, что «брежневская эпоха» хотя и продолжительный, но весьма своеобразный этап советского общества, в рамках которого намечается и разворачивается политический и экономический кризис, подготовивший распад Советского Союза. Применительно к этому периоду вполне справедливо признание противоречий между разными властными структурами, в том числе и между государственным аппаратом и высшим партийным руководством. Более того, нельзя отрицать и тот факт, что конфликт между Горбачевым и Ельциным стал «триггером» распада СССР.

В связи с анализом изменений во власти Кивинен возвращается к анализу сталинизма, опираясь как на советологическую, так и на российскую литературу конца 80-х годов⁴. Наиболее последовательно он выступает против двух точек зрения, имеющих еще и сейчас достаточно широкое распространение в российской литературе.

Во-первых, это, как уже упоминалось, теория тоталитаризма. Ее недостаток, по мнению автора, – «слишком общий характер». С помощью этой теории в период холодной войны утверждалось «представление о нацистской Германии и Советской России как явлениях, имеющих между собою немало общего» (с. 49). Вообще, отмечает Кивинен, эта теория «достигла немалых успехов в создании нового образа врага в период холодной войны» (с. 50). Кроме того, «теория тоталитаризма упускает из виду тот факт, что власть в СССР была во многих отношениях очень плодотворной» (с. 77). Это, безусловно, верное

⁴ Главным источником выступает одна из основных работ мощного потока литературы, направленной на десталинизацию общественных отношений и еще советской политики: «Осмыслить культ Сталина». Под ред. Х. Кобо. М.: 1989.

утверждение, которое разделяют многие серьезные специалисты, изучающие российское общество.

Оригинальная идея, принадлежащая нашему автору, заключается в том, что Кивинен находит нечто общее между «теорией тоталитаризма» и «теорией гражданского общества» начала 90-х годов. Обе теории «абстрагируются от экономических структур, при этом теория гражданского общества не имеет четкого понятия власти, в то время как теория тоталитаризма ориентируется на абстрактные идеальные типы, ни одна из теорий не ставит проблему взаимоотношения культуры и власти» (с. 50).

Еще одно объяснение сталинизма, получившее признание в 90-е годы, это концепция «русской ментальности», с которой автор не соглашается по другим соображениям. С точки зрения современной социологии «теория ментальности несостоятельна, поскольку концепция актора и структуры остается в ее рамках достаточно туманной» (с. 62). Обращение к ментальности не позволяет принять во внимание социальное структурирование советского общества, равно как и то обстоятельство, что «его культура достаточно далеко ушла от архаики кочевого образа жизни» (там же).

По мнению автора сталинизм нельзя рассматривать и как результат сознательного проекта, насажденного одним лицом, номенклатурой или политбюро. Утверждение сталинизма – это «ситуативный процесс, подверженный постоянным изменениям» (там же). Это процесс **непреднамеренного изменения** культурных кодов, заложенных в большевизме, который подробно рассматривается в третьем разделе книги. Добавим к высказанным соображениям и то обстоятельство, что теория тоталитаризма, подчеркивая институциональные аспекты подавления личности, почти не принимает во внимание, или не рассматривает, механизмы прямого насилия – его направленности на определенные группы и воздействие его на социальную мобильность. Она по сути дела игнорирует источники изменений в так называемых тоталитарных структурах.

Классы – их сила и слабость

Так же, как и в случае с проблематикой власти, Кивинен начинает с характеристики исследований классовой проблематики в современной социологической литературе. В этой связи автор обращает внимание на ряд тонкостей. Речь идет о разграничении таких понятий, как «классовый анализ» и «классовый подход» или «положение класса», «классовая ситуация» (с. 85). Кивинен выступает против двух крайних позиций, сложившихся в социологической литературе. Одна из них – стремление объяснить все явления общественной жизни с помощью классовых интересов, другая – полное игнорирование классов и их интересов, подмена анализа классовых противоречий идеей функционального разделения труда. По мнению автора, «суть классового анализа состоит именно в том, чтобы определить, что может, а что не может быть объяснено ссылкой на класс; какие реальные социальные конфликты порождаются классовыми противоречиями» (с. 84). И далее Кивинен делает небольшое, но весьма существенное добавление. «Это не означает, – пишет он, – что классовый анализ решает одни и те же задачи применительно к любому обществу – российскому, западноевропейскому или американскому. Напротив, именно сравнение разных обществ является одной из наиболее фундаментальных задач исследования классов» (там же).

Углубляя этот тезис, автор полагает, что было бы интересно сравнить классовую ситуацию соответствующих групп в России и в западных странах. «Однако это вряд ли возможно потому, что нынешний период реформирования общества – уникальный процесс, нуждающийся в особых категориях для описания. Без этих категорий мы не сможем адекватно исследовать такие явления как “потенциальный средний класс” и “эрозия трудового коллектива”» (с. 87).

Главное для Кивинена состоит в том, что классы – это не только социально-экономические реальности, но и культурные конструкты. Кроме того, вообще, классы – это не единственные субъекты исторических преобразований. При определенных

обстоятельствах немаловажную роль могут играть и иные воображаемые сообщества, как, например, нации или религиозные сообщества. Что такое классовый интерес? Как он связан с классовой ситуацией и классовым сознанием (самосознанием)? Ни классовые интересы, ни интересы иных сообществ не должны, по мнению автора, сакрализироваться, поскольку, с одной стороны, они могут искажаться в ходе идеологических интерпретаций, а с другой стороны, они могут изменяться по мере изменения классовой ситуации.

Кивинен полагает, что необходимо установить связь классового анализа с **базовыми концептами социальной критики**, к числу которых он относит следующий ряд понятий: **эксплуатация, отчуждение, господство и умственный труд**. Со своей стороны он и предпринимает такую попытку, обращаясь к материалам исследований советского и постсоветского общества. Вывод, к которому приходит автор, следующий: «Общие формы существования классовой структуры существенно изменяются в разные периоды истории СССР. На разных этапах различаются также формы подчинения и эксплуатации. В разные периоды демографический профиль различных классов и их образ жизни порождает различные классовые идентичности. Они, однако, в значительной степени отличаются от классового пространства, в центре которого находится «идеальный рабочий класс» (с. 110). Иными словами, все официальные характеристики социализма как общественно-политической формации, – уничтожение эксплуатации и классовой дифференциации общества, ведущая роль рабочего класса, преодоление отчуждения человека, – если и не опровергаются полностью, то, по крайней мере, ставятся под сомнение.

В этом же разделе ставится вопрос и о перспективах исследований социальной структуры российского общества. Автор уверен в плодотворности классового подхода к его анализу. Он обращает внимание преимущественно на два сюжета – становление среднего класса и формирование профессионального общества. Ныне в российской социологической литературе стали привычными заявления о провале проекта формирования среднего класса как социальной базы демократизации властных отношений. Действительно, вместо среднего класса в результате избранного способа ускоренной приватизации государственной собственности, которая якобы была общенародной, мы пришли к союзу крупного капитала и бюрократии, к губернаторству без царя. О. Шкаратан называет это «номенклатурно-бюрократическим квазикапитализмом»⁵.

Политическое руководство страны избегает столь определенных формулировок, понимая их обязательность. На мой взгляд, несомненный просчет избранного в начале 90-х годов курса реформ состоял в разрыве между задачами формирования среднего класса и профессионализации общества. Ведь средний класс или средние слои – в социально-политическом отношении – весьма аморфное образование, тем более если он строится на основе мелкого, преимущественно торгового, предпринимательства. Совсем другое дело – средний класс, в фундаменте которого заложена высокая оценка профессионального труда, развитие производства, освоение и создание новых технологий, соединение специальных умений и теоретических знаний, позволяющих осваивать реальные достижения мирового опыта в области организации производства. Советское общество, как бы его не отвергали и как бы ни клялись ему в ненависти, было обществом профессиональным⁶. Либеральные реформы привели не только к разрушению политических основ советской бюрократии, но и к размыванию и разрушению профессиональных ценностей, навыков, высокого статуса специальности, компетенции и ответственности. Ориентация на рынок как на главный инструмент построения либеральной экономики и экономической основы гражданского общества оказалась запоздалой и поэтому практически ошибочной. К. Поланьи почти полвека тому назад показал, что в основе современных трансформаций, происходивших в

⁵ «В постсоветской России сохранилось в трансформированном виде этакратическое общество, которое приобрело форму номенклатурно-бюрократического капитализма. На этой основе сложился своеобразный тип социальной стратификации, представляющей переплетение сословной иерархии и элементов классовой дифференциации». Шкаратан. О. И. Российский порядок: Вектор перемен. М.: Вита, 2004. С. 191-192.

⁶ См. Perkin. The Third Revolution.

США и Западной Европе, был отказ от классического либерализма⁷. Само государство следовало бы шаг за шагом трансформировать, а не разрушать полностью. Но в выборе пути огромную роль сыграло нетерпение новой политической элиты, ее стремление утвердиться во власти любой ценой и как можно быстрее. Теперь сделанного не поправишь. Необходимо осознать, что благополучие России, построение свободного общества свободных людей возможно только на путях воссоздания профессионализма, повышения статуса профессиональной компетенции во всех областях деятельности.

Культура

Третий раздел оказывается самым сложным по способу изложения. Именно здесь в наибольшей мере обнаруживается намерение представить «гипотетический умственный эксперимент». Суть его в том, чтобы предложить некоторую схему и попытаться использовать ее для объяснения загадок российской истории. В чем же состоит эта схема?

В отличие от многих аналитиков Кивинен обращается не к Марксу или к Веберу, а к третьему классическому западноевропейскому социологу – Эмилю Дюркгейму. Одна из главных работ Дюркгейма «Элементарные формы религиозной жизни», написанная автором на основании изучения племенной жизни австралийских аборигенов. Дюркгейм обнаружил в изучаемом им сообществе феномен сакральности, играющий решающую роль в воспроизводстве жизни племени. Духи предков, места их захоронения, легенда происхождения племени, авторитет вождя – все это компоненты Священного или Сакрального – требуют безусловного поклонения, закрепляемого определенными ритуалами. Дюркгейм показал, что такого рода элементы существуют во всяком обществе. Их функциональное назначение – духовное воспроизводство общества как целого. Эмоциональное состояние, считал Дюркгейм, переживаемое индивидом в ходе исполнения ритуала, поддерживает в нем тот комплекс чувств, который обеспечивает связь индивида с обществом, делает его членом именно этого племени. Дюркгейм и его последователи перенесли этот способ описания социальности на иные, в том числе и современные развитые общества, в которых сакральность также имеет место и является важным источником мотивации индивидуального поведения.

Кивинен попытался выделить и описать компоненты сакрального, присущие «Великой повести большевизма». В современной социологии такой анализ действительности является необходимым компонентом. При этом идея сакрального соединяется с концепцией «культурного кода» – набора смыслов мотивации поступков, специфических для каждой национальной культуры. Кивинен в этой связи утверждает два важных тезиса:

Во-первых, вслед за Бердяевым он обнаруживает сходство большевизма и православия, которое «есть скорее религия “Святого духа”, чем “Сына Божия”» (с. 173). Оставим в стороне эту богословскую вольность автора и отметим, что феномен веры играет очень большую роль в массовых мобилизациях любого характера. Естественно, что большевизм, как и любое политическое движение, апеллирующее к массам, включал в себя компонент веры, а следовательно, и определенные элементы сакрализации вождей и идеалов. Кивинен замечает, что предметом веры в советском обществе была и сама наука. Она становится главным элементом сакрального поклонения! В выявлении этой оппозиции можно заметить влияние постмодернизма, поскольку при такой трактовке ценностей утрачиваются основания рационального действия.

Во-вторых, по Кивинену, код российской культуры связан с ее неперенным дуализмом. (Вопреки русским пословицам «Бог трою любит» и тем более «Без четырех углов дом не стоит!».) Идея дуальности русской культуры также выражена Бердяевым, но Кивинен предпочитает сослаться в данном случае на выдающегося представителя российской лингвистической школы и исследователя русской культуры XVIII и начала XIX веков Ю. Лотмана. Сакральное (в переводе избрано слово Божественное) находится в

⁷ Поланьи К. Великая трансформация. Политические и экономические истоки нашего времени. СПб.: Алетей, 2002.

дуальной оппозиции к Мирскому. Далее схема приобретает вид шестиугольника (вопреки символу пятиконечной звезды), в котором резюмируются (или постулируются?) шесть оппозиций Науки и Религии, Прогресса и Отсталости, Развития производства и Нищеты, Города и Деревни, Пролетариата и Буржуазии, Партии и Царизма (см. стр. 182, и 219). Автор говорит об особой значимости этих священных кодов культуры, поскольку именно бинарные напряжения «порождают сильные семантические комбинации и мотивы», «порождают мотивы действия и дают ему импульс» (с. 182–183). Заметим, что и в этом случае при обращении к объяснению мотивов действия вопрос об «оценке ситуации» как собственно социологический прием остается вне поля зрения автора.

Нельзя опустить и еще один элемент предложенной схематики, а именно то, что священные символы, сформировавшиеся в качестве основания бинарного кода, «подвержены постоянным изменениям на протяжении всей истории Советского Союза». Здесь мы подошли к очень важному месту в построении схемы, поэтому нужно отнестись к тексту с особым вниманием. «Все священные символы сопровождалась тенью из негативных или неясных интерпретаций. Значит, каждому элементу священного соответствует не только прямая оппозиция, но и “неясная негативная интерпретация”, без которой нельзя обойтись в дальнейшем изложении (значит, все же троица, а не дуализм! – А.З.), поскольку эти неясные интерпретации оказываются обязательно табуированными». Эти неясные интерпретации выглядят несколько странно: Демонизация действительности, Хаос, Потребление, Крестьянский образ жизни, Номенклатура и новый средний класс, НКВД! В результате «структура российской культуры может быть представлена в виде треугольника, углами которого являются Мирское, Божественное и Табу» (с. 183-184).

Таким образом, автор приходит к следующему теоретическому выводу: чтобы объяснить гибель Священной повести большевизма, «следует вести речь о непреднамеренных последствиях, вызывающих особую напряженность между кодом и действительностью. Для каждого аспекта сакрального существовал особый дополнительный аспект. Этот третий аспект поначалу отвергался или игнорировался бинарными кодами. Но после первых попыток превратить коды в реальную социальную практику, изменить мир с их помощью, третий аспект заявлял о себе, становясь **непреднамеренным последствием предпринимаемых шагов...** Первоначальный код не может воспринять дополнительных преобразований. Поэтому они превращаются в табу, в негативное божественное, которого нельзя касаться... В результате политический процесс развивается в напряженном поле между божественным и дополнительным случаем» (с. 184).

Далее следует описание шести (уже не оппозиций, а треугольных схем), которые автор стремится наполнить материалом из советской истории. При этом он использует интервью с некоторыми респондентами из Санкт-Петербурга, поэзию В. Маяковского, в которой наиболее удачным образом выражена сакральность идеалов, и образ мышления героев А. Платонова, в котором воплотился процесс трансформации повседневного сознания – от идеалов к табуированию невнятного. В этом разделе можно встретить интересные суждения по частным вопросам и важные – по вопросам общего характера.

Приведем два из них, которые обозначим как Суждение А и Суждение Б.

Суждение А: «В период между 1928 и 1941 гг. численность промышленных рабочих выросла втрое, возникли совершенно новые отрасли промышленности, было создано 8000 новых предприятий, повышенными темпами развивалась урбанизация. В этой ситуации росла напряженность, вызванная тем, что большей частью неграмотное сельское население, привыкшее к крестьянскому быту, должно было научиться использованию машин, работе в непривычно сложных организациях. Одновременно это население должно было научиться читать, уважать начальство, работать по часам, а не по солнцу, пользоваться урной и носовым платком» (с. 185-186). Здесь мы видим одно из немногих упоминаний о реальных проблемах, которые могут быть объяснены без обращения к схеме Дюркгейма.

Суждение Б: «Решающий шаг от большевизма к сталинизму был сделан в тридцатые годы: традиционные ценности были восстановлены, Сталин – уподоблен царю, Ленин –

превращен в сюжет для фольклорных произведений. Одновременно были введены в оборот элементы дореволюционной культуры: иерархия, компетентность, дисциплина в школе, на заводе и в обществе в целом» (с. 225). И движущая сила этого превращения видится не только в злой воле отдельных личностей, не в борьбе группировок, не в стремлении к тоталитарному господству над обществом и личностью, а в непреднамеренных последствиях самого большевистского проекта.

Как заметил сам автор, его точка зрения направлена на преодоление священного трепета перед идеологией, то есть перед содержанием долгосрочного социального проекта, направленного на радикальное преобразование действительности. Но более убедительное обоснование этой позиции предполагает опять-таки учет того момента, который в социологии получил название «определение ситуации». В какой мере практическая политика исходила на самом деле из содержания сакральных идеалов, а в какой – она определялась реалистическим пониманием ситуации на разных уровнях социальной структуры? Не являлись ли изменения, описанные в суждении А, результатом не только «Священной повести большевизма», но и систематических оценок ситуации, складывающейся в отношениях между СССР и враждебным к этому незаконному образованию окружением? И не является ли некоторым преувеличением ситуация, описанная в суждении Б? Да, мой собственный дед уподоблял Сталина царю (в разговоре, который состоялся примерно в 1950 году, т. е. при жизни Сталина), но и он понимал, что основное в монархии не просто единовластие, но и наследование власти по крови. А что касается иерархии и дисциплины, то без этих элементов общественной организации не существует ни одно индустриальное общество!

Вопрос же более широкого плана – могут ли в политике и в любых иных областях общественной или экономической жизни приниматься такие решения, последствия которых полностью предсказуемы? А если любое решение включает в себя элемент непредсказуемости, то каким образом можно отделить предсказуемый элемент от непредсказуемого? Ведь люди, даже находящиеся на вершине власти, никогда не превратятся в богов. Правда, тоска по предсказуемости действий в какой-то мере выражает это несбыточное стремление!

Хотя автор книги в своей иронической декларации как бы стремится занять позицию над идеологическими контroversами, все же он не скрывает своей симпатии к левой составляющей, представленной попытками найти социал-демократический элемент российского политического пространства. Однако и здесь Кивинен отнюдь не склонен к советам, которые ориентировали бы российских политиков на повторение пройденного. Основная идея этой работы – развитие социологической рефлексии, основанной на отказе от замалчивания фактов и от практики табуирования того, что не вписывается в традиционные схемы мышления. «Найти дорогу вперед можно только при помощи рефлексиирующего социологического анализа, не закрывающего глаза на особые структуры российской социальной реальности. Это даст возможность глубже понять происходящее и наполнить большим смыслом критический подход» (с. 241).

Думаю, что заинтересованный читатель, несмотря на некоторые очевидные слабости рассматриваемой работы, будет благодарен М. Кивинену за этот призыв к рефлексии по поводу противоречивого опыта российских преобразований, которые пока что не получили завершения.